

Он сглотнул, чувствуя, как горло горит от боли.

— Князь, у меня болит горло...

Му Цинфэн мягко улыбнулся.

— Горло болит настолько, что ты не можешь говорить?

Гу Шаобай тут же кивнул.

Му Цинфэн, проявляя заботу, встал, чтобы налить ему чаю, бросив на ходу:

— Тогда хорошенько придумай, пока горло не перестанет болеть...

— Князь, — хрипло произнес Гу Шаобай, — могу я вернуться домой для лечения? Вы заняты делами, а я уже долго беспокою Вас...

Со звоном чашка резко опустилась на стол.

— Горло больше не болит?

Гу Шаобай тут же замолчал, даже дыша так, чтобы не издавать звуков.

Гу Шаобай провел три дня на лечении в резиденции князя Мобэя, а на четвертый день его насильно посадили в повозку, направляющуюся в столицу с князем И.

Перед отъездом отец и старший брат пришли повидаться с ним, но Му Цинфэн сообщил им, что Гу Шаобай еще не полностью выздоровел, горло у него болит, и он не может говорить. Для безопасности здесь есть знаменитый врач, который будет лечить его в пути, чтобы в будущем он не стал немым.

Таким образом, Гу Шаобай мог только смотреть, как его отец и брат уходят, а в последующие дни продолжать притворяться глухонемым.

Утро. Снаружи повозки было холодно, внутри — тепло и уютно.

Гу Шаобай сидел на белом ковре с длинным ворсом, расстеленном в повозке, и думал, что повозка князя действительно удобна: достаточно просторная и устойчивая, даже на ухабистой дороге она лишь слегка покачивалась, в отличие от маленькой повозки, на которой он ехал сюда, которая, как и его кости, чуть не развалилась.

В этот день, после обеда, Гу Шаобай, сытый и довольный, начал клевать носом, а фигура Му Цинфэна, читающего книгу напротив, становилась все более размытой...

Проснувшись, он обнаружил, что на нем накинут плащ, расшитый золотыми и серебряными нитями, очевидно, принадлежащий Му Цинфэну. Он прильнул к щели в окне и увидел, что за окном по-прежнему простирались желтые пески, изредка встречались засухоустойчивые кустарники, которые, несмотря на свои причудливые формы, имели своеобразную красоту.

— Твое горло так и будет болеть вечно?

С того дня, как он начал жаловаться на боль в горле, прошло уже пять дней, и за это время Гу Шаобай не произнес ни одного связного предложения, только мычал.

— Голоден?

— Угу.

— Хочешь пить?

— Угу.

— Наелся?

— Угу.

Гу Шаобай, опершись на подоконник, не решался обернуться. Ему было тяжело врать, ведь одна ложь требует бесконечных оправданий. Если бы это была простая рана, можно было бы как-то выкрутиться, но это была стрела из рукава, оружие, используемое в мире боевых искусств, и к тому же отравленная.

Он не был уверен, что у него хватит сил и ума, чтобы противостоять пронизательному Му Цинфэну.

— Ты боишься смотреть на меня или на самого себя?

Тон Му Цинфэна становился все более резким, очевидно, его терпение было на пределе.

Гу Шаобай прикусил губу. Конечно, я боюсь смотреть на тебя!

— Повернись! — Му Цинфэн начал терять терпение. — Что он скрывает? Почему он так упорно молчит? Я что, чудовище? Мы столько раз были на волосок от смерти, и он даже не может довериться мне?

Гу Шаобай медленно повернулся, сел прямо, его взгляд на мгновение встретился с взглядом Му Цинфэна, и он тихо произнес:

— Князь, умоляю, не спрашивайте... Даже если я скажу, это будет ложь...

Му Цинфэн, глядя на его невинный и безобидный вид, почувствовал, как его гнев мгновенно растаял.

После долгого молчания, когда Гу Шаобай уже подумал, что тема закрыта, он увидел, как тот человек достал из углового ящика из красного дерева сложенный лист бумаги и положил его на маленький столик.

— Открой и посмотри.

Гу Шаобай открыл его и увидел письмо, которое он оставил, уходя из городка Ухуа без предупреждения:

«Одна ночь любви, исчезнувшая, как утренняя заря. После этой разлуки мы больше никогда не встретимся».

Свет восьмиугольного фонаря из цветного стекла мягко освещал комнату. Гу Шаобай уставился на эти строки, в его глазах мелькнули волны эмоций, и он снова почувствовал то, что испытывал, когда писал эти слова. Он писал их много раз, но каждый раз слезы размывали чернила, и он думал, что после этой разлуки его чувства исчезнут вместе с исчезновением Цзя

Фаня.

Для него лучшим исходом было стать чужими!

Му Цинфэн, наблюдая за ним, ясно увидел мгновенную грусть в его глазах, но, когда тот поднял голову, грусть исчезла.

Он улыбнулся:

— Князь, что это?

Му Цинфэн, с трудом сдерживая желание вскочить и задушить его, произнес с легкой издевкой:

— Третий господин, ты ведь известен своей эрудицией. Может, объяснишь мне смысл этого письма?

Гу Шаобай, подперев подбородок пальцем, его длинные, как нефрит, пальцы выглядели еще более изящными на фоне белой бумаги:

— Если толковать буквально, то автор этого письма хочет сказать получателю: «У нас была всего одна ночь любви, не строй иллюзий, больше этого не повторится, и я не испытывал к тебе настоящих чувств, так что давай жить каждый своей жизнью и больше не встречаться».

Он улыбнулся, глядя на Му Цинфэна, лицо которого уже стало мрачным.

— Князь, правильно ли я объяснил? Пожалуйста, поправьте меня, если я ошибся.

Му Цинфэн смотрел на него, как волк на кролика, его белки глаз покраснели, а уголки губ подергивались.

Третий господин, испугавшись, положил письмо на стол и отодвинулся, но понял, что дальше отступать некуда. Он сдержал улыбку:

— Князь, я глуп, наверное, объяснил неправильно...

— Заткнись!

Что-то полетело в сторону Гу Шаобая, и он инстинктивно пригнулся, но это был не тяжелый предмет. Легкая вещь упала ему на колени — это был пояс шириной в два пальца.

Гу Шаобай, держа в руках этот пояс, украшенный серебряной нитью, недоумевал, забыв, что ему только что приказали молчать:

— Князь, что это значит?

Му Цинфэн зловеще улыбнулся:

— Это подарок для тебя.

Гу Шаобай сказал:

— Князь, это не совсем подходящий подарок... На этом поясе вышиты узоры гор и рек, это Ваш личный аксессуар, к тому же он подходит к Вашему платью... Му Цинфэн, зачем Вы сняли с

себя этот пояс и дали его мне, да еще и старый? Неужели хотите, чтобы я повесился на нем?

Му Цинфэн подвинулся ближе, взял пояс и кивнул Гу Шаобаю:

— Открой рот.

Гу Шаобай, чисто рефлекторно, слегка приоткрыл губы.

Но Му Цинфэн тут же засунул пояс ему в рот и туго завязал его на затылке.

— Этот рот я развяжу только тогда, когда ты скажешь что-то, что мне понравится.

Гу Шаобай только поднял руку, чтобы развязать узел, но, встретив холодный взгляд Му Цинфэна, смущенно опустил ее.

Он невнятно пробормотал:

— Я уже могу... сказать... Князь...

Му Цинфэн взял чайник с маленькой печью, налил чай и взял книгу со стола.

— Тихо!

Гу Шаобай откинулся на спинку повозки, сожалея о том, что каждый раз, когда он видит Му Цинфэна, его переполняет желание досадить ему, будто вся злоба прошлой жизни выплескивается наружу, и только причиняя ему боль, он может найти облегчение.

Перед ним он никогда не сможет стать волком, только ежом, покрытым колючками, который, не способный ранить другого, ранит себя.

Но теперь он понял, что может использовать свои колючки, чтобы уколоть его, но должен быть готов к тому, что их вырвут!

— Тук-тук, — кто-то тихо постучал в дверь повозки, и приятный голос произнес:

— Князь.

Му Цинфэн ответил:

— Войдите.

Дверь открылась, и в повозку вошла Вэньсинь, и повозка снова тронулась.

Гу Шаобай, увидев, что кто-то вошел, испугался, что его увидят в таком нелепом положении, и быстро накрыл нижнюю часть лица плащом Му Цинфэна, оставив только большие черные глаза, обрамленные мехом, которые с любопытством смотрели на вошедшего.

Вэньсинь достала из ящика из красного дерева несколько засушенных цветов размером с ноготь, открыла крышку чайника и бросила их внутрь. Вскоре вода закипела, и аромат сливы наполнил воздух. Она вылила чай, стоявший рядом с Му Цинфэном, в окно и заварила новый чай с цветами, поставив его перед князем.

— Князь, пожалуйста.

Му Цинфэн едва заметно кивнул, не отрывая взгляда от книги.

Вэньсинь, с ярко-красными губами и белоснежной кожей, выглядела очень привлекательно. На ней было платье цвета озера, которое подчеркивало ее нежность и изящество. Она взяла руку Му Цинфэна, лежащую на столе, и бросила взгляд на Гу Шаобая, свернувшегося в уголке.

С кокетливой ноткой в голосе она спросила:

— Князь, кто этот господин? Не представите?

Спасибо всем, дорогие читатели, за ваши комментарии! Благодарю вас за то, что не сдались, несмотря на всю боль, которую принесла эта история!

<http://bllate.org/book/16730/1538791>